Кровавое воскресенье въ Петербургѣ

9/22 Января 1905 г.

Berlin
Heinrich Caspari
Verlagsbuchhandlung

Кровавое воскресенье въ Петербургѣ

9/22 Января 1905 г.

Berlin
Heinrich Caspari
Verlagsbuchhandlung

Druck der Spamerschen Buchdruckerei in Leipzig

Неудачное покушеніе 6 января 1905 года на жизнь Николая II, во время церемоніи «крещенія», какъ бы послужило предвѣстникомъ, что порабощенная Россія находится на порогѣ великихъ событій и собирается объявить войну ненавистной системѣ Плеве съ ея «бутафорскимъ» самодержавіемъ.

Напрасно правительство старалось объяснить «картечный выстрѣлъ» забывчивостью солдатъ, напрасно оффиціальныя сообщенія ложно истолковывали «инцендентъ» — фактъ оставался фактомъ . . . За границей и у насъ въ Россіи прекрасно поняли, что «гг. Самодержцамъ» на этотъ разъ не удастся втереть обществу очки и по обыкновенію мистифицировать свѣтъ.

Всевѣдущая заграничная печать освѣтила, какъ слѣдуетъ, покушеніе и прекрасными статьями доказала, что въ Россіи творится что-то неладное, благо армія «ошибочно» стрѣляетъ въ «избранника» народа . . . Въ Пе-

тербургѣ прекрасно знали, что революціонное движеніе растетъ не по днямъ, а по часамъ, что достаточно малѣйшей искры, чтобы раздуть яркое пламя... И дѣйствительно достаточно было, чтобы правленіе Путиловскаго завода уволило по незаконнымъ причинамъ 4 рабочихъ, какъ рабочіе проявили полную солидарность и потребовали отъ администраціи завода немедленнаго принятія уволенныхъ рабочихъ обратно.

Требованіе рабочихъ не было удовлетворено и 3 января по Петербургу стали носиться тревожные слухи, будто на Путиловскомъ заводѣ готовится всеобщая стачка рабочихъ.

7 января 1905 года настало. Всѣ 12 000 рабочихъ прекратили работу . . .

Забастовавшіе рабочіе отрядили депутаціи на остальные заводы съ просьбой примкнуть къ движенію и общими силами заставить капиталистовъ исполнить законныя требованія рабочихъ.

Призывъ «путиловцевъ» не остался гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ и къ нимъ мало по малу присоединились всѣ организованные и неорганизованные рабочіе.

Стачка росла съ головокружительной бы-

стротой и принимала рѣдкіе, невиданные доселе размѣры.

Каждый новый день втягивалъ въ движеніе новые отряды рабочихъ.

«Собраніе русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ», основанное 3—4 года тому назадъ извѣстнымъ провокаторомъ Зубатовымъ, тоже присоединилось къ движенію и устроило рядъ собраній, на которыхъ присутствовали тысячи рабочихъ и гдѣ разбирались экономическіе и политическіе вопросы дня.

Во главѣ «собранія русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ», стоялъ энергичный человѣкъ, отецъ Георгій Гапонъ. Въ последніе дни стачки онъ заговорилъ рѣзкимъ, треполитическимъ языкомъ и сталъ открыто требовать введенія въ Россіи конституціи.

Священникъ Гапонъ началъ сзывать рабочія собранія, гдѣ съ крестомъ въ рукахъ, началъ держать горячія проповѣди противъ самодержавія.

Отецъ Гапонъ имѣлъ сильное вліяніе на рабочихъ и рѣчи его производили на толпу важигательное впечатлѣніе.

Приводимъ образчикъ рѣчи Гапона, заимствуя его изъ журнала «Впередъ»:

«Пойдемъ, братцы, убѣдимся, дѣйствительно ли русскій царь любитъ свой народъ, какъ говорятъ. Если даетъ всѣ свободы — значитъ любитъ, а если нѣтъ, то это ложь и тогда мы можемъ поступить съ нимъ, какъ наша совѣсть намъ подскажетъ . . . Клянитесь мнѣ: конституція или смерть! Пора сбросить маску! Пора сбросить всякую принадлежность къ подлому сословію поповъ, обирающему народъ . . .» И онъ сталъ звать рабочихъ итти въ воскресенье къ Зимнему дворцу съ нижеслѣдующей петиціей:

Государь!

Мы рабочіе г. Петербурга, наши жены, дѣти и безпомощные старцы-родители пришли къ тебѣ, Государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, насъ угнетаютъ, обременяютъ непосильнымъ трудомъ, надъ нами надругаются, въ насъ не признаютъ людей, къ намъ относятся, какъ къ врагамъ.

Мы и терпѣли, но насъ толкаютъ все дальше и дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества; насъ душатъ деспотизмъ и произволъ и мы задыхаемся. — Нѣтъ больше силъ, Государь. Насталъ предѣлъ терпѣнію.

Для насъ пришелъ тотъ страшный моментъ, когда лучше смерть, чѣмъ продолженіе невыносимыхъ мукъ.

И вотъ мы бросили работу и заявили нашимъ хозяевамъ, что не начнемъ работать, пока они не исполнятъ нашихъ требованій. Мы немного просили. Мы желаемъ того, безъ чего не жизнь, а каторга, вѣчная мука.

Первая наша просьба была, чтобы хозяева вмѣстѣ съ нами обсудили наши нужды, но и въ этомъ намъ отказали — въ правѣ говорить о нашихъ нуждахъ, находя, что за нами не признаетъ законъ такого права. Незаконны отказались также наши просьбы уменьшить число рабочихъ часовъ до 8 въ день и устанавливать цѣны на наши работы вмѣстѣ съ нами и съ нашего согласія, разсматривать наши недоразумѣнія съ низшей администраціей завода. Увеличить чернорабочимъ и женщинамъ плату за ихъ трудъ до 1 рубля въ день, отмѣнить сверхурочныя работы, лечить насъ внимательно и безъ оскорбленія, устроить мастерскія такъ, чтобы въ нихъ можно было бы работать, а не находить тамъ смерть отъ страшныхъ сквозняковъ, дождя и снѣга.

Все оказалось по мнѣнію нашихъ хозяевъ противозаконно. Всякая наша просьба — преступленіе, а наше желаніе улучшить наше положеніе — дерзость, оскорбительная для нашихъ хозяевъ. Государь, насъ здѣсь больше 300 000 — и все это люди только по виду, только по наружности, въ дѣйствительности же за нами не признаютъ ни одного человѣческаго права, даже говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать мѣры къ улучшенію нашего положенія.

Всякаго изъ насъ, кто осмѣлится поднять голосъ — въ защиту интересовъ рабочаго класса — бросаютъ въ тюрьму, отправляютъ въ ссылку, караютъ какъ за преступленіе — за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалѣть рабочаго, исправнаго измученнаго человѣка — значитъ совершить тяжелое преступленіе. — Государь, развѣ это согласно съ божескими законами, милостью которыхъ ты царствуешь? Не лучше ли умереть, умереть всѣмъ намъ — трудящимся людямъ всей Россіи? Пусть живутъ и наслаждаются капиталисты и чиновники. Вотъ, что стоитъ передъ нами, Государь!

И это-то насъ и собрало къ стѣнамъ твоего

дворца. Тутъ мы ищемъ послѣдняго спасенія. Не откажи въ помощи твоему народу, выведи его изъ могилы безправія, нищеты и невѣжества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось съ него невыносимый гнетъ чиновниковъ, разруши стѣну между тобой и твоимъ народомъ и пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ тобой. Вѣдь ты поставленъ на счастье народу, а это счастье чиновники вырываютъ у насъ изъ рукъ, къ намъ оно не доходитъ, мы получаемъ только горе и униженіе.

Взгляни безъ гнѣва внимательно на наши просьбы, они направлены не ко злу, а къ добру, какъ для насъ, такъ и для тебя, Государь. Не дерзость въ насъ говоритъ, а сознаніе необходимости выхода изъ невыносимаго для всѣхъ положенія. Россія слишкомъ велика, нужды ея слишкомъ многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы самъ народъ помогалъ себѣ, вѣдь ему только извѣстны его нужды. Не отталкивай же его помощи: прими ее, повели немедленно, сейчасъ же призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ сословій. Пусть тутъ

будетъ и капиталистъ, и рабочій, и священникъ, и докторъ, и учитель; пусть всѣ, кто бы они ни были, изберутъ своихъ представителей, пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія, — а для этого соповели, чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, тайной и равной подачи голосовъ. Это самая главная наша просьба; въ ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для нашихъ ранъ, безъ котораго наши раны вѣчно будутъ сочиться и поведутъ насъ быстро къ смерти.

Но одна мѣра все же не можетъ залѣчить всѣхъ нашихъ ранъ: необходимы и другія, и мы крѣпко и открыто, какъ отцу, говоримъ тебѣ, Государь, о нихъ.

Необходимы:

I. Мѣры противъ невѣжества и безправія русскаго народа:

1. Свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, собраній, совѣсти въ дѣлѣ религіи.

2. Общее и обязательное народное образованіе на государственный счетъ.

3. Отвѣтственность министровъ передъ

народомъ и гарантіи законности управленія.

4. Равенство передъ закономъ всѣхъ безъ исключенія.

5. Немедленное возвращеніе всѣхъ пострадавшихъ за убѣжденія.

II. Мѣры противъ нищеты народа:

1. Отмѣна косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямымъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ.

2. Отмѣна выкупныхъ платежей; дешевый кредитъ и постепенная передача земли народу.

III. Мѣры противъ гнета капитала надъ трудомъ:

1. Охрана труда закономъ.

2. Свобода потребительно-производительныхъ и профессіональныхъ союзовъ.

3. 8-часовой рабочій день и нормировка сверхурочныхъ работъ.

4. Свобода борьбы труда съ капиталомъ.

5. Участіе рабочихъ въ выработкѣ законопроекта о государственномъ страхованіи рабочихъ.

6. Минимальная заработная плата.

Вотъ, Государь, наши главныя нужды, съ

которыми мы и пришли къ тебѣ. Повели и поклянись исполнить ихъ, и ты сдѣлаешь Россію и счастливой и славной, а имя твое запечатлѣешь въ сердцахъ нашихъ и нашихъ потомковъ на вѣчныя времена, а не повелишь — мы умремъ здѣсь на этой площади передъ твоимъ дворцомъ. Намъ некуда дальше итти и незачѣмъ. У насъ только два пути: или къ свободѣ и счастью, или въ могилу. Укажи, Государь, любой изъ нихъ, — мы пойдемъ по нему безпрекословно, хотя бы это и былъ путь смерти. Пусть наша жизнь будетъ жертвой для изстрадавшейся Россіи. Намъ не жалко этой жертвы, мы охотно приносимъ ее.»

Въ тотъ же день, когда рабочіе подписались подъ этой петиціей и согласились итти просить человѣческихъ правъ у батюшки-царя, отецъ Гапонъ отправилъ Николаю II-ому письмо слѣдующаго содержанія:

«Государь, не думай, что твои министры сказали тебѣ всю правду о современномъ положеніи. Народъ весь вѣритъ въ тебя; онъ рѣшилъ явиться завтра въ два часа пополудни къ Зимнему Дворцу, чтобы представить тебѣ свои нужды.

Если, въ нерѣшимости, ты не покажешься народу, ты порвешь нравственную связь, существующую между тобой и твоимъ народомъ. Довѣріе, которое онъ питаетъ къ тебѣ, исчезнетъ. И на этомъ мѣстѣ между тобой и народомъ прольется невинная кровь. Явись завтра передъ твоимъ народомъ и прими съ открытой душой нашу смиренную петицію. Я, представитель рабочихъ, и мои мужественные товарищи, — мы гарантируемъ неприкосновенность твоей личности.»

Одновременно отецъ Гапонъ въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ Святополку-Мирскому говорилъ:

«Ваше Сіятельство!

«Рабочіе и петербургскіе обыватели разныхъ сословій желаютъ и должны видѣть царя 9 января, въ два часа дня, на площади Зимняго Дворца, чтобы лично объяснить ему свои нужды и нужды всего народа. Царю нечего опасаться. Я, какъ представитель союза русскихъ рабочихъ, наши сотрудники и товарищи, и даже такъ называемыя революціонныя группы всѣхъ направленій, мы ручаемся за его неприкосновенность. Пусть

онъ, какъ настоящій царь, съ открытымъ сердцемъ, выйдетъ къ своему народу! Пусть приметъ изъ нашихъ рукъ ходатайство! Все это нужно для его же блага, для блага всѣхъ обывателей Петербурга и родины. Иначе можетъ порваться нравственная связь, соединявшая до сихъ поръ русскаго царя съ русскимъ народомъ.

Вашъ великій нравственный долгъ и передъ царемъ, и передъ всѣмъ русскимъ народомъ — немедленно представить царю и эти строки, и прилагаемое наше ходатайство. Скажите царю, что я, рабочіе и многія тысячи людей изъ народа рѣшили мирно и съ полнымъ довѣріемъ, но съ непоколебимой твердостью, явиться къ дворцу. Пусть и онъ, на дѣлѣ, а не въ манифестахъ, докажетъ свое довѣріе къ народу.»

Оба письма были написаны съ цѣлью убѣдить царя выйти къ народу, безъ малодушія и страха выслушать его просьбу, лично принять ходатайство, написанное съ такой странной смѣсью наивности по отношенію къ царю и зрѣлости въ пониманіи бѣдъ и нуждъ.

На другой день, въ свѣтлое солнечное воскресенье, 9 января 1905 года въ ожиданіи

рабочихъ безпорядковъ правительство приняло чрезвычайно строгія предохранительныя мѣры... Всѣ фабрики, заводы охранялись войсками. Около Нарвскихъ воротъ, ведущихъ къ Путиловскому заводу — тоже войска.

На Шлиссельбургскомъ шоссе, у Невской заставы, расположились двѣ роты солдатъ.

Словомъ, всюду, вездѣ, куда глазъ не глянетъ: — солдаты, солдаты, солдаты.

День 9 января останется у насъ въ вѣчной памяти. Мирное намѣреніе рабочихъ поговорить съ государемъ и передать ему лично вышеуказанную петицію потерпѣло, къ сожалѣнію, полнѣйшую неудачу. Но благодаря какимъ средствамъ?

Правительство устроило настоящую бойню и никогда еще царскій деспотизмъ не проявился столь блестяще, какъ въ тотъ день, когда беззащитные рабочіе осмѣлились просить человѣческаго отношенія, человѣческихъ правъ.

Одинъ очевидецъ описываетъ такъ день 9 января:

«Сегодня былъ тяжелый день для столицы. Вскорѣ послѣ полуночи тысячная толпа пыталась разрушить городской водопроводъ, но

она была разогнана войсками, стрѣлявшими въ рабочихъ боевыми патронами . . . Толпа бѣжала, оставивъ на мѣстѣ 30 убитыхъ и раненыхъ . . . Такъ кроваво наступившій день окончился еще печальнѣе.

Еще съ утра всѣ улицы, соединяющія Петербургъ съ предмѣстьями, были оцѣплены сильными военными отрядами, которымъ было приказано — не допускать рабочихъ въ городъ.

На площади передъ Зимнимъ Дворцомъ расположились войска . . . На дворцовомъ дворѣ стояла артиллерія съ пушками . . . По улицамъ Петербурга разъѣзжали сильные патрули . . . На всѣхъ улицахъ стояли казаки съ обнаженными шашками . . . Всюду видны объявленія градоначальника Фуллона, предупреждающаго населеніе не покидать свои квартиры и не собираться толпами . . .

Когда я, около 10 часовъ утра, покинулъ мою квартиру, то не увидалъ почти что никого на улицахъ . . . По мѣрѣ приближенія къ «Нарвскимъ воротамъ» на улицахъ становилось оживленнѣй . . . Варшавскій и Балтійскій вокзалы также оцѣплены войсками. Около Нарвскихъ воротъ стояли гвардія и Измайловскій полкъ.

Только съ большимъ трудомъ, благодаря знакомымъ офицерамъ, мнѣ удалось пробиться впередъ и я въ 11 ч. 15 минутъ увидалъ надвигающуюся громадную толпу рабочихъ.

Впереди ея шелъ священникъ, держа въ одной рукѣ высоко поднятый крестъ, а въ другой прошеніе къ государю и петицію рабочихъ.

Вслѣдъ за священникомъ валила толпа въ 18 000 до 20 000 человѣкъ, при чемъ раздавалось пѣніе какого-то духовнаго гимна.

Когда толпа находилась въ 80 шагахъ отъ сторожевой цѣпи, то начальникъ команды громкимъ голосомъ приказалъ остановиться и мирно разойтись, такъ какъ иначе онъ будетъ принужденъ стрѣлять.

Толпа на мгновеніе пріостановилась.

Изъ ея среды выступилъ священникъ Гапонъ, который вступилъ въ переговоры съ офицеромъ, прося его передать царю прошеніе и петицію. Но просьба Гапона была отклонена. Тогда священникъ вернулся къ толпѣ и скомандовалъ: «впередъ!»

Офицеръ въ свою очередь приказалъ солдатамъ приготовиться къ стрѣльбѣ.

Въ 11 ч. 40 мин. раздались первые выстрѣлы. Солдаты стрѣляли холостыми патронами.

Но рабочіе не испугались и пошли смѣло впередъ.

Новое приказаніе офицера, и на этотъ разъ раздались вновъ выстрѣлы, при чемъ солдаты стрѣляли 3 раза сряду, боевыми патронами.

Крикъ ужаса вырвался изъ устъ толпы.

Стоны раненыхъ, видъ убитыхъ разсгнали рабочихъ. Священникъ Гапонъ упалъ однимъ изъ первыхъ, окрасивъ снѣгъ своей кровью. Вокругъ него лежали сотни убитыхъ, раненыхъ.

Правда, изъ толпы раздались отдѣльные выстрѣли, но что она могла сдѣлать противъ вооруженныхъ солдатъ?

Около 300 убитыхъ и столько же раненыхъ остались на мѣстѣ. Вскорѣ прибыли кареты «Краснаго Креста», которыя стали увозить жертвы царизма.

Вскорѣ я очутился вблизи Путиловскаго завода. Я увидѣлъ здѣсь небольшія группы рабочихъ, ихъ женъ, которые о чемъ то горячо спорили и очевидно сильно волновались. Они не понимали — почему на нихъ стрѣляли

Вѣдь они только хотѣли передать прошеніе объ улучшеніи ихъ нуждъ царю!

Кроваво было и второе столкновеніе рабочихъ съ войсками у Московскихъ воротъ, гдѣ толпа состояла изъ 20 000 человѣкъ.

Здѣсь убито свыше 1000 человѣкъ и ранено болѣе 350.

На площади передъ Зимнимъ Дворцомъ до 6 часовъ было все спокойно. Малѣйшее скопленіе рабочихъ было немедленно разогнано.

Тѣмъ не менѣе на Невскомъ Проспектѣ, на Большой Морской, Гороховой произошл въ теченіе дня настоящія уличныя сраженія, при чемъ убито и ранено чрезвычайно много рабочихъ.

Войсками командовалъ великій князь Владиміръ, который отдалъ приказъ: «Не щадить никого и стрѣлять въ бунтовщиковъ.»

Другой очевидецъ пишетъ: «Vis-à-vis Зимняго Дворца собрались сегодня тысячи рабочихъ и студентовъ, чтобы передать государю петицію. Когда толпа на приказаніе «разойтись» не разошлась, то раздались выстрѣлы. Убитые и раненые лежали кучами на землѣ. Около Зимняго Дворца убито 150 чел., ранено нѣсколько тысячъ.

Народъ, явившійся безъ оружія, разбѣжался во всѣ стороны, грозя мщеніемъ.»

Царь бѣжалъ позорно изъ Петербурга въ Царское Село.

Толпа, убѣдившись, что мирнымъ путемъ не можетъ достигнуть благополучныхъ результатовъ, рѣшила вооружиться. Она нападала на офицеровъ, срывала съ нихъ погоны, отнимала шашки, сабли, устроила на многихъ улицахъ проволочныя загражденія, на Васильевскомъ островѣ барикады.

Царское правительство приняло въ свою очередь мѣры къ подавленію «революціонеровъ» и для сохраненія самодержавія.

Съ ядовитой ироніей одна изъ высокопоставленныхъ креатуръ заявила корреспонденту Лаффана:

«Мы имъ дали хорошій урокъ. Теперь они на время успокоятся» и приказалъ опубликовать «правительственное сообщеніе», гдѣ, понятно, всѣ цыфры убитыхъ и раненыхъ были фальшиво указаны.

Это «правительственное сообщеніе» вызвало благодаря своей тенденціозности еще большее озлобленіе среди рабочихъ.

Въ воскресенье вечеромъ въ «Собраніи пе-

тербургскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ» вновь состоялись многочисленныя сходки.

Собраніе постановило требовать отъ правительства исполненія пунктовъ петиціи и уничтожило находящійся въ залѣ засѣданія портретъ Николая II.

На другой день «Собраніе фабрично-заводскихъ рабочихъ» и всѣ его отдѣлы, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, были административнымъ путемъ закрыты.

Рабочіе Путиловскаго завода собрались также въ воскресенье вечеромъ на сходку и рѣшили продолжать борьбу до послѣдней капли крови.

Между тѣмъ агенты правительства не дремали и приготовляли казематы.

На понедѣльникъ, 10 января, ожидались новыя демонстраціи.

Невольно являлся вопросъ: останутся ли войска вѣрны присягѣ? И въ результатѣ можно было констатировать, что войска блестяще выполнили возложенное на нихъ порученіе. Въ понедѣльникъ вечеромъ въ петербургскихъ больницахъ лежало свыше 5000 раненыхъ, а на улицахъ валялись 2000 убитыхъ.

Много раненыхъ рабочіе спрятали въ частныхъ домахъ.

Священникъ Гапонъ обратился въ понедѣльникъ 10 января къ рабочимъ со слѣдующимъ письмомъ:

«Съ сегодняшняго дня у насъ нѣтъ больше царя. Кровь невинно убіенныхъ стоитъ между нимъ и его народомъ. Поэтому я громко провозглашаю: «Да здравствуетъ день, когда народъ потребовалъ себѣ свободу! Да здравствуетъ конституція! Благословляю васъ! Вечеромъ буду съ вами.»

И надо сознаться, что отчасти попъ Гапонъ былъ правъ.

Россія въ эти печальные дни какъ будто и не имѣла царя. Точно гонимый фуріями, виновникъ массоваго убійства бѣжалъ изъ Петербурга въ Царское село, потомъ изъ Царскаго села въ Петербургъ и оттуда собирался убѣжать въ Ливадію.

Но, къ сожалѣнію, движеніе рабочихъ было своевременно пріостановлено репрессивными мѣрами и «царь-миротворецъ» избавился отъ путешествія на благодатный югъ Россіи.

Безпощадное убійство тысячи беззащит-

ныхъ рабочихъ, понятно, произвело въ Петербургѣ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Лучшая часть нашего общества открыто протестовало противъ варварства, деспотизма царскихъ палачей. Цвѣтъ нашей литературы еще наканунѣ «крововаго воскресенья» отправилъ депутацію министру внутреннихъ дѣлъ князю Святополку-Мирскому съ просьбою повліять на Николая II и принять петицію рабочихъ, но когда депутація явилась на частную квартиру князя, ей заявили, что министра дома нѣтъ. Депутаты обратились тогда къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Рыдзевскому. Послѣдній заявилъ депутатамъ, что онъ лично не можетъ исполнить ихъ просьбы, но передастъ таковую министру внутреннихъ дѣлъ. Рыдзевскій посовѣтовалъ депутаціи, въ составъ коей входилъ и Максимъ Горькій, обратиться непосредственно къ статсъ-секретарю Витте.

Витте принялъ депутатовъ очень любезно, но замѣтилъ, что не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла министерства внутреннихъ дѣлъ. Онъ сообщитъ о просьбѣ депутаціи министру внутреннихъ дѣлъ.

Въ присутствіи депутаціи Витте подошелъ

къ телефону и спрашивалъ министра, согласится ли онъ принять депутатовъ и получилъ рѣшительный отказъ.

Для поддержанія порядка въ Петербургѣ былъ вызванъ одинъ изъ позорнѣйшихъ слугъ царизма генералъ Треповъ и назначенъ диктаторомъ съ чрезвычайно широкими полномочіями. Семья Треповыхъ играетъ, какъ извѣстно, большую роль въ русскомъ революціонномъ движеніи. Съ этимъ именемъ связаны тѣ террористическія движенія, жертвой которыхъ палъ и Александръ II. Въ отца Трепова стрѣляла неудачно въ 1878 году Вѣра Засуличъ. Вновь назначенный диктаторъ прошелъ школу Плеве и хорошо усвоилъ себѣ эту систему. Кровавыя мѣры, которыми Треповъ подавилъ въ Москвѣ студенческія волненія, достаточно характеризуютъ этого человѣка — звѣря.

И такому палачу «добрый царь» отдалъ въ неограниченную власть жизнь сотни тысячъ вѣрноподданныхъ.

Диктатура Трепова — начало конца.

Ея начало ознаменовалось массовыми обысками, многочисленными арестами.

Затѣмъ на улицахъ столицы было расклеено слѣдующее объявленіе:

«По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, министръ финансовъ и петербургскій генералъ-губернаторъ симъ объявляютъ: Спокойное теченіе общественной жизни въ Петербургѣ нарушено въ послѣдніе дни прекращеніемъ работъ на фабрикахъ и заводахъ. Оставивъ занятія къ явному для себя и хозяевъ ущербу, рабочіе предъявили рядъ требованій, касающихся взаимныхъ отношеній между ними и фабрикантами. Возникшимъ движеніемъ воспользовались неблагонамѣренныя лица, которыя избрали рабочихъ для выполненія своихъ замысловъ и увлекли трудящихся людей обманчивыми и несбыточными обѣщаніями на ложный путь. Послѣдствіями преступной агитаціи были многочисленныя нарушенія порядка въ столицѣ и неизбѣжное въ такихъ случаяхъ вмѣшательство вооруженной силы. Явленія эти глубоко прискорбны. Порождая смуту, злонамѣренныя лица не остановились передъ затрудненіями, переживаемыми нашею родиной въ тяжелое военное время, и въ рукахъ ихъ трудящійся людъ петербургскихъ фабрикъ и

заводовъ оказался слѣпымъ орудіемъ, не давъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что именемъ рабочихъ заявлены требованія, ничего общаго съ ихъ нуждами не имѣющія. Заявляя эти требованія и прекращая свои обычныя занятія, рабочіе петербургскихъ фабрикъ и заводовъ забыли также то, что правительство всегда заботливо относилось къ ихъ нуждамъ, какъ относится и теперь, готовое внимательно прислушиваться къ ихъ справедливымъ желаніямъ и удовлетворять ихъ по мѣрѣ представляющейся возможности. Для такой дѣятельности правительству необходимо прежде всего возстановленіе порядка и возвращеніе рабочихъ къ обычному труду. Въ пору волненій немыслима спокойная и благожелательная работа правительства на пользу рабочихъ и удовлетвореніе ихъ заявленій, какъ бы справедливы они ни были, не можетъ быть послѣдствіемъ безпорядка и упорства. Рабочіе должны облегчить правительству лежащую на немъ задачу къ улучшенію ихъ быта и могутъ сдѣлать это только однимъ путемъ: отойти отъ тѣхъ, кому нужна одна смута, кому чужда истинная польза рабочихъ, какъ чужды истинные интересы родины, и кто выставилъ

ихъ только, какъ предлогъ, чтобы вызвать волненія, ничего общаго съ этими пользами не имѣющія. Они должны возвратиться къ своему обычному труду, который столь-же нуженъ государству, сколько и самимъ рабочимъ, такъ какъ безъ него они обрекаютъ на нищету себя, своихъ женъ и дѣтей. И, возвращаясь къ работѣ, пусть знаетъ трудящійся людъ, что его нужды близки сердцу Государя Императора, также какъ и нужды всѣхъ его вѣрныхъ подданныхъ; что Его Величество еще столь недавно повелѣть соизволилъ, по личному Своему произволенію, приступить къ разработкѣ вопроса о страхованіи рабочихъ, имѣющему своею задачею, обезпечить ихъ на случай увѣчья и болѣзни; что этою мѣрою не исчерпываются заботы Государя Императора о благѣ рабочихъ и, что одновременно съ симъ, съ соизволенія Его Императорскаго Величества, министерство финансовъ готово приступить къ разработкѣ закона о дальнѣйшемъ сокращеніи рабочаго времени и такихъ мѣръ, которыя дали бы рабочему люду способы обсуждать и заявлять о своихъ нуждахъ. Пусть знаютъ также рабочіе фабрикъ и заводовъ и другихъ

промышленныхъ заведенiй, что, вернувшись къ труду, они могутъ разсчитывать на защиту правительствомъ неприкосновенности ихъ самихъ, семействъ ихъ и домашняго ихъ очага.

Правительство оградитъ тѣхъ, кто желаетъ и готовъ трудиться отъ преступнаго посягательства на свободу ихъ труда злонамѣренныхъ людей, громко взывающихъ къ свободѣ, но понимающихъ ее только, какъ свое право не допускать путемъ насилiя до работы своихъ же товарищей, готовыхъ вернуться къ мирному труду.

Петербургскiй генералъ-губернаторъ,
свиты Его Величества генералъ-маiоръ
Треповъ.

Министръ финансовъ, статсъ-секретарь
В. Коковцевъ.»

* * *

Вся Европа была возмущена позорнымъ поступкомъ царизма.

Въ союзной намъ Францiи «кровавое воскресенье» вызвало озлобленiе. Всѣ газеты, безъ различiя направленiя, осуждали царизмъ и требовали введенiе конституцiи.

Представители парижской рабочей биржи

послали русскому посланнику письмо, въ которомъ высказывали свое презрѣніе русскому правительству.

«Комитетъ свободомыслящихъ Франціи» напечаталъ въ республиканскихъ и соціалистическихъ газетахъ воззваніе, гдѣ требовалъ разрыва франко-русскаго союза.

Жорэсъ въ «Humanité» открылъ сборъ пожертвованій для пострадавшихъ, ихъ вдовъ и дѣтей, и напечаталъ нижеслѣдующую прекрасную статью:

«Отнынѣ рѣка крови легла между царемъ и «его народомъ». Нанося удары рабочимъ, царизмъ смертельно ранилъ самого себя. Даже если на этотъ разъ населеніе Петербурга не побѣдитъ рутинную и слѣпую вѣрность солдатъ, даже если оно не овладѣетъ Зимнимъ Дворцомъ и не провозгласитъ въ немъ свободы народа, даже если царь, запрятанный за 20 километровъ отъ столицы въ царскосельскомъ дворцѣ, и ускользнетъ еще на нѣсколько дней отъ власти возставшаго народа, — все-таки царизмъ уже приговоренъ къ смерти . . .

Повидимому, несмотря на всѣ предыдущія разочарованія, несмотря на реакціонную лживость послѣдняго указа, рабочіе все еще

ждали отъ царя словъ освобожденья и спасенья. Они вѣрили, они хотѣли вѣрить, что онъ лично добръ и справедливъ, но что его обманываютъ дурные совѣтники, а въ этотъ день, когда онъ очутится лицомъ къ лицу съ своимъ народомъ, лучшая часть его души проснется, и онъ словами свободы и справедливости отвѣтитъ на всенародное отчаяніе, на всенародныя требованія. И они вѣрили этому и говорили царю: «Выслушай насъ, прими изъ нашихъ рукъ наше ходатайство. Тебѣ нечего бояться за себя. Ни одинъ волосъ не упадетъ съ твоей головы. Но сжалься надъ своимъ народомъ, изнывающимъ въ рабствѣ, задыхающимся въ жадныхъ и цѣпкихъ рукахъ бюрократіи. Прими насъ. Выслушай насъ . . .»

Рѣшительная и трагическая минута, въ такія минуты рѣшаются судьбы мирныхъ революцій! На эту просьбу народа, своего народа, царь отвѣтилъ бойней и бойней обдуманной. Еще накануне палачъ Клейгельсъ, профессіональный душитель, былъ вызванъ въ Петербургъ, чтобы предоставить къ услугамъ властей свой спеціальный опытъ и свои техническія способности. Совершенно сознательно

убили они эти сотни русскихъ рабочихъ, напитавшихъ снѣгъ своей кровью. Да, это была сознательная бойня, это входило въ планъ репрессій. Бойня подлая и трусливая, потому что царь, укрывшись въ Царское Село, даже не явился въ Зимній Дворецъ, чтобы взглянуть въ лицо событіямъ и лично руководить бойней. По телефону узналъ онъ о залпахъ, которыми во имя его осыпали народъ. Что же онъ, боялся за свою жизнь? Или онъ боялся поддаться внезапному порыву состраданія? Отвратительная предосторожность, которая перелагаетъ на царя всю отвѣтственность за эти убійства.

До сихъ поръ Россія и человѣчество могли еще вѣрить, что онъ былъ первымъ плѣнникомъ абсолютизма, что бюрократія безъ него и помимо него угнетала и разоряла народъ. До сихъ поръ можно было думать, что онъ не былъ цѣликомъ отвѣтственъ ни за кишиневскія событія, гнуснымъ образомъ подготовленныя реакціоннымъ заговоромъ, ни за эту безсмысленную, гибельную войну, невольно вызванную его слабоуміемъ. Но на этотъ разъ народъ обращался къ нему самому...

А онъ отказался ихъ принять, онъ при-

казалъ закрыть доступъ къ Зимнему Дворцу отчаяннымъ, но еще покорнымъ жалобамъ десятковъ тысячъ людей, устами которыхъ говорилъ весь русскій народъ. Онъ, находясь за предѣлами Петербурга, въ царскосельскомъ дворцѣ, охраняемый солдатами и свитой, съ жадностью припавъ къ телефонному аппарату, минута за минутой, шагъ за шагомъ слѣдилъ, какъ топчутъ и убиваютъ его народъ. Онъ, сидя въ надежномъ убѣжищѣ и охраняя свое сердце отъ возможной вспышки состраданія, а свою особу отъ волнъ имъ же созданной трагедіи, — наносилъ удары народу. Для того, чтобы спасти абсолютизмъ, который всѣ осуждаютъ, чтобы поддержать власть, приведшую Россію къ гибели, онъ истребляетъ лучшихъ сыновъ русскаго народа, тѣхъ, кто съ довѣрчивой душой просилъ его спасти родину путемъ свободы. Теперь царь — несомнѣнный убійца.

Впечатлѣніе, которые эти событія произведутъ на русскій народъ, будетъ ужасно. Уже во всѣхъ классахъ сказалось то возмущеніе противъ царизма, которое служитъ прелюдіей всѣхъ крупныхъ движеній. Такъ же, какъ наканунѣ великой революціи дво-

рянство, духовенство и третье сословіе единодушно требовали гарантій и реформъ, такъ же и сейчасъ въ Россіи кн. Трубецкой, попъ Гапонъ, либеральная буржуазія и соціалисты-рабочіе подымаются на борьбу съ самодержавіемъ. И когда такая, уже расшатавшаяся власть покрываетъ себя кровью народа, она сама произноситъ себѣ приговоръ.

Все цивилизованное человѣчество содрогнется отъ негодованья. Отнынѣ царь и царизмъ будутъ отвержены всѣми націями. Какъ бы мудро ни было рѣшеніе не вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ народовъ и не нарушать политическими соображеніями дипломатическихъ условностей, но есть такой предѣлъ преступленія, до котораго даже самодержавныя государства не смѣютъ доходить, не порывая связи съ свободными народами. Во всемъ мірѣ нѣтъ такого конституціоннаго государя, такого президента республики, который могъ бы спокойно и безъ неловкости поддерживать сношенія, хотя бы сношенія, основанныя лишь на этикетѣ, съ самодержавіемъ, пытающимся залить кровью самое разумное и справедливое стремленіе къ свободѣ. Если Россія хочетъ сохранить связь

съ цивилизованнымъ человѣчествомъ, она должна освободиться отъ царизма . . .

И какъ отзовется въ сердцахъ несчастныхъ солдатъ, умирающихъ изъ-за безумной авантюры въ далекой Манчжуріи, это разстрѣливаніе ихъ друзей и братьевъ въ Петебургѣ?»

Парижское студенчество устроило рядъ антирусскихъ демонстрацій.

Городскій магистратъ въ Ліонѣ высказалъ протестъ противъ Россіи и пожелалъ русскому государству скорѣйшаго введенія конституціи.

Въ Парижѣ соціалдемократическая камера при парламентѣ пожертвовала въ знакъ протеста 100 франковъ въ пользу жертвъ царизма.

Въ Швейцаріи русская соціалдемократическая партія опубликовала слѣдующее воззваніе во всѣхъ нѣмецкихъ и французскихъ газетахъ:

«Цивилизованному міру.

Граждане!

9-ое января 1905 года выжгло свое имя на страницахъ міровой исторіи. Въ этотъ день гигантская рука русскаго пролетаріата схватила за горло самодержавнаго звѣря; онъ кусаетъ еще эту руку сегодня, она задушитъ его — завтра.

Въ этой желѣзной рукѣ — спасеніе русскаго народа, спасеніе Россіи, измученной, униженной, доведенной до отчаянія бездушнымъ и преступнымъ режимомъ. Втеченіе цѣлаго вѣка свобода и цивилизація оставались недостижимымъ идеаломъ лучшихъ гражданъ порабощеннаго отечества. Единицы боролись — и умирали подъ ударами властелиновъ Зимняго дворца. Опираясь на милліоны безправныхъ рабовъ, залитый кровью порабощенныхъ національностей, на трупахъ умирающихъ отъ голода крестьянъ и рабочихъ, царизмъ строилъ свою гегемонію надъ цивилизованной Европой. Всюду онъ сѣялъ развратъ, вездѣ онъ являлся оплотомъ реакціи и національной розни. Дѣло борьбы съ царизмомъ, дѣло его уничтоженія является дѣломъ борьбы за европейскую культуру противъ дикаго варварства — послѣднимъ актомъ міровой задачи, которую поставила Великая Революція восемнадцатаго вѣка.

Это историческое дѣло не смогли выполнить сотни и тысячи представителей высшихъ классовъ Россіи, многолѣтняя борьба ихъ не могла поколебать режима кнута. Внутренно прогнившій абсолютизмъ въ ожесточенномъ

преслѣдованіи всякой мысли дошелъ до последней степени цинизма и жестокости. Литература въ намордникѣ, литераторы подъ вѣчной угрозой тюрьмы и ссылки, наука въ цѣпяхъ, университеты въ рукахъ полиціи, немногія школы въ рукахъ поповъ; голодъ и эпидеміи въ разоренной деревнѣ; отчаяніе среди порабощенныхъ царизмомъ народовъ. Съ ужасомъ весь міръ узналъ о звѣрствахъ царизма въ Финляндіи; вопли кишиневскихъ жертвъ потрясли человѣчество. Но то, что дѣлало самодержавіе въ Финляндіи и Кишиневѣ, оно дѣлаетъ постоянно въ Польшѣ и Литвѣ, въ Сибири и на Кавказѣ, оно это сдѣлало въ громадномъ масштабѣ на улицахъ Петербурга, когда народъ столицы предъявилъ ему требованія всей Россіи.

Народъ столицы, увлекаемый революціонными пролетаріями и увлекая за собою всѣхъ честныхъ гражданъ изъ буржуазіи, въ величественной мирной манифестаціи потребовалъ отъ царя созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія для излѣченія страны отъ ранъ, нанесенныхъ вѣковымъ господствомъ палачей.

На мирную демонстрацію царь отвѣтилъ

ружейными и пушечными выстрѣлами. Убиты мужчины, женщины, дѣти. Убиты рабочіе, студенты, буржуа, священники. Офицеры, капитулирующіе передъ японцами, хладнокровно рѣзали дѣтей и женщинъ своего народа.

Смерть царизму! — отвѣтилъ на это неслыханное злодѣйство петербургскій пролетаріатъ. Смерть царизму! — отвѣтитъ на это вся Россія. Вѣсть о петербургскихъ убійствахъ уже вызвала манифестаціи рабочихъ въ другихъ городахъ. Соціалдемократія употребитъ всю свою энергію, чтобы къ начатому въ Петербургѣ возстанію примкнули пролетаріи и крестьяне всей Россіи. Всѣ революціонныя силы будутъ нынѣ направлены на то, чтобы нанесенный 9-го января ударъ оказался роковымъ для царизма. И если-бы временно реакціи удалось задержать въ данный моментъ распространеніе движенія, оно съ умноженной силой ударитъ вновь черезъ короткое время.

Цивилизованный міръ не можетъ равнодушно смотрѣть на то, что совершается въ Россіи. Царизмъ доживаетъ своя послѣдніе дни среди гражданской войны, среди тру-

повъ своихъ возставшихъ подданныхъ. Готовая къ послѣдней побѣдной битвѣ, демократическая Россія становится тѣмъ политическимъ факторомъ, съ которымъ уже теперь должно считаться цивилизованное человѣчество. Граждане свободныхъ странъ не могутъ встрѣтить проклятіемъ свободу, пробивающую себѣ дорогу среди ужасовъ царистскаго варварства.

Теперь міръ знаетъ, что царизмъ пытается продлить свое существованіе, опираясь на одни только штыки. Но режимъ штыковъ есть непрестанная военная авантюра, вѣчная угроза всесвѣтному миру.

На алтарь цивилизаціи, свободы и мира несетъ свои жертвы россійскій пролетаріатъ.

На помощь же, граждане свободныхъ странъ! Не свое только дѣло, не дѣло только Россіи, — дѣло всего міра, ваше дѣло дѣлаютъ борцы русской революціи, и они увѣрены, что въ этотъ грозный, рѣшительный часъ вы не оставите ихъ безъ поддержки.

Долой самодержавіе! — пусть презрѣніе и ненависть станутъ между нимъ и цивилизованнымъ міромъ! Да здравствуетъ русскій народъ! Долой преграды, построенныя ре-

акціей между нимъ и свободнымъ человѣчествомъ!

Да здравствуетъ русская революція, да здравствуетъ русскій пролетаріатъ!

Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія.

За Совѣтъ Партіи:
Г. Плехановъ, П. Аксельродъ.
За Центральный Комитетъ:
Н. Второвъ.
За Центральный Органъ «Искра»:
Вѣра Засуличъ.
За Загранич. Лигу Русской Соціалдем.:
Л. Дейчъ.

Въ Италіи: 24 января соціалистическіе депутаты Турати и Биссолати переслали министеръ-президенту слѣдующую интерпелляцію:

«Мы спрашиваемъ правительство, не находитъ ли оно необходимымъ высказать русскому правительству возмущеніе и презрѣніе всего итальянскаго народа по поводу возмутительнаго царскаго произвола въ Петербургѣ?»

Въ засѣданіи парламента республиканскій депутатъ Мирабелли высказалъ отъ имени

своей партіи симпатіи русскому народу и его освободительному движенію. Ораторъ въ блестящей рѣчи пожелалъ русскому пролетаріату побѣдить покрытый кровью мрачный царизмъ.

И эта рѣчь была встрѣчена бурными аплодисментами.

Въ Германіи петербургскія событія вызвали бурю негодованія. Почти всѣ газеты выпустили Extrablätter, которые буквально вырывались изъ рукъ разносчиковъ. Приводимъ ниже отзывы наиболѣе популярныхъ газетъ:

Такъ «Vossische Zeitung» писала: «Войска самодержца одержали побѣду, если и не надъ «дерзкимъ врагомъ» на дальнемъ Востокѣ, то все-же надъ беззащитнымъ русскимъ народомъ на улицахъ русской столицы. О блестящихъ побѣдахъ при Мукденѣ Куропаткинъ до сихъ поръ не могъ прислать «бѣлому царю» благопріятныхъ реляцій, но съ береговъ Невы сатрапы вчера сообщили государю: «Мы убили сотни людей и искалѣчили тысячи. Все это твои вѣрноподданные.» Русская армія одержала подъ Петербургомъ побѣду, гдѣ смерть скосила безчисленныя жертвы. Путь къ самодержавію усѣянъ трупами. Въ Россіи без-

пощадно властвуетъ бѣлый тиранъ, который отвѣчалъ на смиренныя просьбы рабочихъ — выстрѣлами.

Никогда еще стремленіе народа къ свободѣ не выражалось болѣе сильно въ Россіи чѣмъ теперь. Къ этому движенію примкнули лучшіе граждане Россіи, представители земства, военнаго вѣдомства, многіе чины бюрократіи.

Страна жаждетъ введенія конституціи и врядъ ли самодержавію удасться совершенно подавить въ корнѣ движеніе.»

Соціалдемократическій «Vorwärts» писалъ:

«Никогда въ всемірной исторіи не смоется то кровавое позорное пятно, которымъ было покрыта общечеловѣческая честь въ воскресенье въ Петербургѣ. То, что Толстой недавно предсказалъ въ пламенныхъ словахъ, что Россія переживаетъ серьезнѣйшіе моменты, что въ Россіи царитъ терроръ, насиліе — оправдалось въ роковое, кровавое воскресенье. Царизмъ одержалъ побѣду надъ своимъ народомъ.

Онъ приказалъ убить тысячи беззащитныхъ. Снѣгъ, покрывавшій петербургскія улицы, обагрился кровью женщинъ, дѣтей, и тѣ солдаты, которые на Дальнемъ Востокѣ терпятъ

однѣ лишь пораженія, могли въ первый разъ праздновать побѣду.

Шайка грабителей захватила власть въ свои руки и безнаказанно распоряжается страной. Пусть народъ погибаетъ въ борьбѣ за существованіе, пусть соціальныя условія заставляютъ его падать все ниже и ниже, какое дѣло этимъ господамъ до этого!

Возмутительная расправа царизма съ беззащитными — является проклятіемъ для династіи Романовыхъ. Каждая капля безвинно пролитой рабочей крови драгоцѣннѣе той, которая течетъ въ жилахъ узурпатора и его прислужниковъ.

Мистическій ореолъ, окружавшій «поборника мира», навсегда уничтоженъ.

Тѣ несчастные, которые жертвовали для варвара своей жизнью на войнѣ, поймутъ ту постыдную роль, которую сыграло правительство и всю его лживость.

И напрасно ликуютъ теперь тѣ убійцы, которые приказали въ «кровавое воскресенье» убить столько рабочихъ и надѣются, что народъ примирится съ существующимъ порядкомъ вещей.

Петербургское воскресенье является началомъ той революціи, которая освободитъ человѣчество отъ русскаго самодержавія.

Преступленіе, совершенное царемъ, велико, безпримѣрно, ужасно, и памятникъ изъ человѣческихъ череповъ навѣрно явится достойнымъ для увѣковѣченія памяти царя Николая II.»

Либеральная газета «Berliner Tageblatt» высказалась по поводу событій слѣдующимъ образомъ:

«Кровь шести тысячъ убитыхъ и раненыхъ рабочихъ въ Петербургѣ требуетъ возмездія. Русское самодержавіе за послѣдніе годы требовало отъ страны много кровавыхъ жертвъ. Полукультурный народъ, находящійся чуть ли не въ крѣпостномъ состояніи, стремится къ достиженію человѣческихъ правъ, къ образованію и т. д. Но самодержавіе силою подавляетъ всякое стремленіе къ свободѣ и устраиваетъ, дѣйствуя на скверные инстинкты народа, «погромы», а потомъ объявляетъ войну Японіи, чтобы отвлечь вниманіе народа отъ тѣхъ внутреннихъ безпорядковъ, которые готовятся въ Россіи.

Побѣда русскихъ на время, пожалуй,

имѣло бы для самодержавія то значеніе, что оно успокоило бы волнующіеся умы.

Вмѣстѣ съ политическимъ недовольствіемъ явился экономическій кризисъ. На Путиловскомъ заводѣ вспыхнула стачка, которая охватила быстро всѣ заводы и фабрики столицы. Надо полагать, что неорганизованные рабочіе сами хорошо не понимали, чего они хотѣли.

Ихъ петиція государю носитъ отчасти экономическій, отчасти политическій характеръ. Что же было послѣдствіемъ призыва рабочихъ? Конференція капиталистовъ, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, отклонила всѣ требованія рабочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ царь вызвалъ изъ Петергофа въ Петербургъ 3 кавалерійскихъ полка.

Это былъ отвѣтъ рабочимъ русскаго правительства.

И когда рабочіе рѣшили обратиться къ сидящему на тронѣ «полубогу», чтобы лично повѣдать ему про свои нужды, ихъ встрѣтили салюты пѣхоты и нагайки казаковъ. Только послѣ этого начались «нарушенія» рабочихъ.

Самодержавіе съ своими дисциплинированными войсками одержало побѣду. Нѣтъ сомнѣнія, что ружейные выстрѣлы водворятъ

въ Петербургѣ спокойствіе, но Николаю II не слѣдуетъ забывать, что даже самодержавный государь находится въ зависимости отъ тѣхъ рабовъ, которые ему прислуживаютъ. Самодержецъ можетъ пока опираться на штыки своей арміи, но и она можетъ начать волноваться и тогда Николай II можетъ легко лишиться своего престола. Поэтому невольно совѣтуемъ ему, пока еще не поздно, дать народу желанныя реформы.»

Въ Англіи по адресу русскаго правительства раздались во всей печати далеко не лестные комплименты.

«Daily News» писала: «Кровавое воскресенье» позорное преступленіе, совершенное деспотомъ Николаемъ II, врагомъ не только своего народа, но и всего человѣчества. «Батюшка-царь» убійца своего собственнаго народа; онъ привелъ его къ отчаянному состоянію и когда народъ въ смертельномъ испугѣ явился за защитой къ нему, онъ приказалъ безпощадно убивать его.

Но «самодержцу» слѣдуетъ помнить, что за каждую жертву явятся тысячи мстителей и они добьются того, что въ Россіи воцарится, наконецъ, свобода.»

«Graphik» полагалъ, что «народъ послѣ вчерашняго дня потерялъ всю свою почти дѣтскую вѣру въ царя.»

«Daily Chronicle» напечаталъ прекрасную статью, полную протеста, констатируя, что существующая система правленія никуда не годна. Общее неудовольствіе охватило весь народъ, его терпѣніе лопнуло, и чтобы успокоить общественное мнѣніе необходимо немедленно исполнить требованія народа.

Въ Австро-Венгріи, Бельгіи, Даніи и др. европейскихъ государствахъ, въ Америкѣ, всюду, во всемъ цивилизованномъ мірѣ — печать высказала свое презрѣніе самодержавію.

Подводя итогъ печальнымъ событіямъ, мы увѣрены, что волненія не ограничатся одной столицей, а широкой волной распространятся по всей Россіи. Общее неудовольствіе уже слишкомъ велико.

Самодержавное правительство должно понять, что Россіи нужны дѣйствительно реформы, реформы въ полномъ смыслѣ этого слова, что необходимо совершенно измѣнить существующій государственный строй и прежде

всего дать народу конституцію, а съ ней Россія пышно разцвѣтетъ.

Свобода печати дастъ возможность газетамъ высказать открыто всѣ недостатки русской общественной жизни и ввести ее въ правильное русло.

Вся Европа, какъ видно изъ вышеприведенныхъ выдержекъ, открыто заявляетъ протестъ противъ «самодержавнаго террора», прекрасно понимая, что эта система устарѣла.

Жизнь идетъ впередъ и требуетъ свои права. И съ этимъ необходимо считаться.

Государь долженъ понять, что реакціонная партія является несчастіемъ для страны, что гг. Треповы и Ко. годятся въ палачи, но не въ генералъ-губернаторы съ неограниченной властью.

Никакія застѣнки Петропавловской крѣпости не сумѣютъ испугать сознательное русское общество и повѣрьте, что оно будетъ продолжать скрытую пропаганду, агитируя противъ убійцъ беззащитныхъ рабочихъ.

*   *

*

Въ заключеніе не можемъ не перепечатать прочувствованной статьи Петра Струве изъ «Освобожденія», посвященной царю-миротворцу; она гласитъ:

Палачъ народа.

Народъ шелъ къ нему, народъ ждалъ его. Царь встрѣтилъ свой народъ. Нагайками, саблями и пулями онъ отвѣчалъ на слова скорби и довѣрія. На улицахъ Петербурга пролилась кровь и разорвалась навсегда связь между народомъ и этимъ царемъ. Все равно, кто онъ — надменный деспотъ, не желающій снизойти до народа, или презрѣнный трусъ, боящійся стать лицомъ къ лицу съ той стихіей, изъ которой онъ почерпалъ силу, — послѣ событій 22/9 января 1905 года царь Николай сталъ открыто врагомъ и палачемъ народа. Больше этого мы о немъ не скажемъ; послѣ этого мы не будемъ съ нимъ говорить. Онъ самъ себя уничтожилъ въ нашихъ глазахъ — и возврата къ прошлому нѣтъ. Эта кровь не можетъ быть прощена никѣмъ изъ насъ. Она душитъ насъ спазмами, она владѣетъ нами, она ведетъ и приведетъ насъ туда, куда мы должны итти и прійти.

Вчера еще были споры и партіи. Сегодня у русскаго освободительнаго движенія должны быть едино тѣло и единъ духъ, одна двуединая мысль: возмездіе и свобода во что бы то ни стало. Клятвой эта мысль жжетъ душу и неотвязнымъ призывомъ гвоздитъ мозгъ.

Противъ ужасныхъ злодѣяній, совершенныхъ по приказу царя на улицахъ Петербурга, должны возстать всѣ, въ комъ есть простая человѣческая совѣсть. Не можетъ быть споровъ о томъ, что преступленіе должно быть покарано и что корень его долженъ быть истребленъ. Такъ дальше жить нельзя. Лѣтопись самодержавныхъ насилій, надругательствъ и преступленій должна быть заключена.

Ни о чемъ другомъ, кромѣ возмездія и свободы, ни думать, ни писать нельзя.

Возмездіемъ мы освободимся, свободой мы отомстимъ.»

Мы увѣрены, что все наше мыслящее интеллигентное русское общество раздѣляетъ взгляды талантливаго редактора-издателя «Освобожденія» и мы вмѣстѣ съ нимъ восклицаемъ:

«Возмездіемъ мы освободимся.
Свободой мы отомстимъ!»

Въ этомъ возмездіи мы видимъ цѣль нашей жизни, *залогъ будущаго счастья обновленной, свободной Россіи.*

Женева, 15 Февраля 1905 г.